

Приоритеты возрождения, возможности консолидации*

© Ю.В. Сухотин, 2002

Проводится критическое сопоставление различных концепций общественного развития с учетом опыта их применения в разных странах, что способствует выявлению действенных мер по преодолению системных кризисов и возобновлению поступательного движения экономики России.

Сегодня достижения общественных наук позволяют установить принципиальную совместимость таких характеристик общественной жизни, которые обычно считаются взаимоисключающими: интернационализма и патриотизма, экономической эффективности и социальной справедливости, рыночной экономики и бесклассового социального строя. От того, как практически будут соединены эти характеристики, зависит сама возможность дальнейшего развития человечества в целом и каждой страны в отдельности – станут ли они процветающими сообществами, способными обеспечить каждому гражданину достойный, цивилизованный образ жизни.

Наращение центробежных напряжений – проявление кризиса эволюции общества

Теперь, когда высшее государственное руководство РФ признало наконец итоги де-

сятилетнего реформирования в целом неудачными, а их нескорректированное продолжение губительным (для демографии, экономики, места в мировом сообществе), можно и нужно сконцентрировать усилия на поиске и организации спасательных мер для общества в целом, а не только для отдельных лиц и групп.

Теоретической основой курса, приведшего к системному кризису, стала устаревшая еще в XIX в. версия **экономического либерализма**, давно замененная в практике экономически развитых стран современными концепциями «социально ориентированной экономики» и «государства всеобщего благоденствия». Но идея **архаичного либерализма** до сих пор применяется для манипулирования общественным сознанием, и делается это отнюдь не на пользу стран-импортеров, но к выгоде стран-поставщиков. Именно такую версию архаичного либерализма впитало «научное» окружение президента.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 99-06-80140) и Российского гуманитарного научного фонда (проект № 00-02-00048).

Эта версия *либеральной доктрины игнорирует* тот факт, что в современном мире (в том числе и в рыночных экономиках) доминируют крупные организации, сопоставимые по мощи и ресурсам с государственной (публичной) властью, которые в отличие от нее не несут ответственности за благополучие общества в целом и каждого гражданина в отдельности. Как правило, они преследуют интересы только своих организаций, способны достигать частных выгод в ущерб другим организациям, народному хозяйству и населению страны в целом.

Мощь и активность таких формирований вызывают нарастающие центробежные напряжения. Последние часто переходят как в открытые столкновения между организациями-агрессорами и страдающим обществом, так и в междоусобную борьбу за разделы и переделы присвоенного богатства. Все эти процессы усиливают нестабильность жизни, ослабляют сплочение и консолидацию общества.

Даже на утверждения критикующих нынешний либерализм специалистов-обществоведов порой заметное влияние оказывают мифы и предрассудки, наполнившие информационную атмосферу.

Причины и содержание кризиса консолидации

За последние 150 лет научно-технический прогресс (НТП) открыл материальные возможности гарантий права каждого человека на достойный, цивилизованный образ жизни и позволил создать мощные, всеобъемлющие системы социальной защиты населения и поддержки нуждающихся, а

также права на свободный, непринудительный труд и досуг, выбор и перемену занятий. Вместе с тем эволюция способов производства изменила не в лучшую сторону общественную полезность рыночной конкуренции. Нарастают опасные монополистические устремления. Противовесом стихийной рыночной экономике может и должно стать сплочение общества, способное помимо прочего ограничивать опасные свойства рынка и организовывать полезное для дела соперничество.

«Сплоченные общества, в которых различные группы избирателей обеспечивают население всеобъемлющей системой социального страхования на тот случай, если кто-либо окажется безработным, бедным, потеряет здоровье, станет нетрудоспособным в старости, – эти общества в конечном счете одержат победу над обществом, состоящим из эгоистических одиночек, бросающих песок в сахар, если только они могут обманым путем всучить его на конкурентном рынке, над теми, кто озабочен в деловой жизни лишь собственными интересами. Любовь, не в греческом понимании его, а в смысле агаре, заботы о других человеческих существах, – вот что, в конце концов, можно считать хорошим бизнесом и хорошей экономикой» (Самуэльсон, 1997. С. 370).

НТП не только множит разнообразие предметов потребления и комфорта, духовных благ, составляющих то, что называется цивилизованным образом жизни, но и делает эти блага общедоступными. «Я верю во все блага здорового материализма – доброкачественную пищу, теплые дома, канализацию, горячую ванну, электрический свет, автомобили, хорошие дороги... летние каникулы вдали от городской суеты»

ты, новые идеи... театры, оркестры, музыкальные группы. *Я верю во все это для каждого»* (курсив авт.) (Самуэльсон, Нордхауз, 1995. С. 737).

Если дополнить этот перечень важнейшими гражданскими, политическими, социальными правами и свободами (включая право на труд, свободу выбора и перемены занятий), то получим доктрину неотчуждаемых прав человека в ее современной трактовке – как утверждение достижимости цивилизованного образа жизни для всех жителей планеты уже сегодня, в начале XXI в. Это подтверждается включением установок доктрины прав человека в конституции многих современных государств (в том числе и РФ), в уставы самых авторитетных международных организаций (ООН, МОТ, ВОЗ и др.). Новая идеология и стратегия – социализации – восходит к рубежу XIX и XX столетий, когда стали явственны негативные последствия бесконтрольности крупных корпораций для народного хозяйства и нормального, цивилизованного образа жизни населения (Самуэльсон, Нордхауз, 1995. С. 412).

Чем вызван отказ от убеждений ветхозаветного либерализма, будто рыночная конкуренция сама по себе способна разрешить все проблемы общественного блага, как экономические, так и политические?

«Мы живем в двуликом обществе. Наши законы провозглашают равные права для всех, принцип «один человек – один голос» и равенство возможностей. Это все красивые слова современной демократии. Однако реальная жизнь в условиях рыночной экономики демонстрирует нам совсем другое. В то время как у одних людей нет крыши над головой и они голодают, другие живут в роскошных особняках и разъезжа-

ют в машинах стоимостью 100 000 долл.» (Самуэльсон, Нордхауз, 1995. С. 399).

Углубляется неравенство именно возможностей, образа жизни и деятельности между супербогачами-магнатами и большинством простых смертных, пусть и среднего достатка.

Первые, «владельцы заводов, газет, пароходов», свободно выбирают для себя режим работы или досуга, вид и интенсивность занятий, их перемену. Но для большинства граждан и труд и досуг (безработица, невостребованность своих продуктов, услуг) становятся повинностью («каторгой» ради куска хлеба, поддержания приличного образа жизни) либо навязанным сторонней волей отлучением от дел, грозящим физическому выживанию. Отсюда не утихающая на протяжении истории классовая борьба (профсоюзные движения, партийные организации, стихийные и организованные восстания).

Разумеется, магнаты, стремясь сохранить свое господство, всячески препятствуют реальной идеологической ориентации. Контролируя СМИ, они не столько информируют и ориентируют сограждан в лабиринтах общественной жизни, сколько преднамеренно манипулируют общественным сознанием, промывают мозги, не гнушаясь обманом и запугиванием, стремятся подавить реакции протеста, внести раскол в ряды оппозиции и т.п., щедро оплачивая технический инструментарий.

О каком свободном народном волеизъявлении, реальном равенстве гражданских прав и свобод, т.е. подлинной демократии, можно говорить в таких условиях?

Надо признать, что страны-лидеры капиталистических демократий не боятся «круто» обходиться со своими магнатами,

проводить решительную антимонопольную политику, устанавливая прогрессивное подоходное обложение. В этом они не чета российским «шокореформаторам», которые боятся затронуть свеженаграбленные капиталы и теневые доходы, словно воскресли времена средневековья, когда самые богатые сословия оказывались еще и «неподатными», перекладывая на «смердов» налоговое бремя.

Отказавшиеся от этой ветхозаветной практики правительства высокоразвитых «рыночных» стран располагают настолько большими средствами, что могут проводить крупномасштабные программы социальной защиты и поддержки населения. В этой заботе о материальном благополучии всех граждан, во многом воспринятой от практики стран, некогда декларировавших задачу построения социализма, и состоит политика социализации, резко отличающаяся современным капитализмом (или, как его нередко называют, «смешанную» социальную систему) от ее предшественника – «дикого капитализма» XVIII–XIX вв.

Ход событий убедительно подтверждает неприемлемость безудержной рыночной стихии и резкого социального расслоения, необходимость сильной государственной власти, способной обуздывать социально опасные устремления магнатов-олигархов и ориентированной на высокие ценности гуманистической идеологии.

Общечеловеческая цивилизация и ее локальные модели

В предыдущем разделе ключевой линией раскола общества была названа конфронтация между магнатами-угнетателями и

обездоленным большинством населения. Вместе с тем выдвигаются и другие версии. «В настоящее время для человечества наиболее острой экзистенциальной проблемой становится проблема устройства общества, отношений между личностью и обществом, личностью и государством. В России создать дееспособное государство и объединяющую народ идеологию мешают расколы «между «западниками» и «патриотами», между коммунистами и христианами» (Волконский, 2000. С. 2).

Налицо, таким образом, *два подхода*, распространенных **среди критиков нынешнего либерализма**. Примечательно, что автор данного высказывания не отрицает самого факта классового расслоения и «концентрации колоссальных возможностей воздействия на мировые процессы в руках очень узкой группы лиц и организаций» (Волконский, 2000. С. 10). Однако он объявляет классовое расслоение чуть ли не специфическим атрибутом исключительно западной цивилизации (там же, С. 12). В дальнейшем, разумеется, без особого труда обнаруживается как участие «незападных» цивилизаций в научно-технических достижениях человечества, так и наличие в них социально-классовых противостояний.

Думается, что прочной **опорой патриотизма** как, несомненно, позитивного мотива консолидации общества может служить **национальная гордость**, оправданная реальными успехами своей страны в продвижении к общечеловеческим ценностям, вхождением в число мировых лидеров и т.п., а не вымученная готовность жертвовать этими ценностями ради каких-то патриархально-самобытных «архетипов» поведения.

Классовые противоречия оказываются действительно непримиримыми, и говорить о возможности консолидации общества в этих условиях можно лишь при допущении добровольного отказа нынешних властителей от присвоенных ими привилегий. Конечно, это маловероятно, но тем не менее имеется разумное основание в том, что наиболее дальновидные представители класса эксплуататоров могут и должны осознавать постоянную угрозу собственного низвержения на социальное дно в ходе либо междоусобной грызни и «разборок», либо неминуемого социального взрыва.

Феномен социального расслоения и его исторические оценки

В обществоведении, как и в самой общественной жизни, практикуются два подхода: цивилизационный (образ жизни людей) и социально-экономический (способ создания жизненных благ), «асимметричные» по целевым установкам. Действительно, **конечной целью** всех конкретных видов «занятий» – хозяйствования, технологии, науки, культуры, искусства, здравоохранения, просвещения и т.д. – является **улучшение жизни всех людей и каждого человека**, а также выявление и развитие их творческих способностей. Напротив, отдаваясь конкретному делу, люди вольно или невольно совершают перестановку целей и средств, целью становится созидание благ цивилизации, а сами люди выступают в роли одного из средств – факторов производства, «ресурсом» для получения конкретных видов благ, изделий, услуг, произведений и т.п. либо их обобщенных агрегатов

(ВВП, совокупный личный доход, уровень образования, здоровье населения и т.п.).

Концепция, отдающая *приоритет общечеловеческой цивилизации*, полнее отражает реальный ход истории – становления цивилизованного образа жизни. Сегодня сторонники этой концепции указывают на ситуацию, когда жизненные блага, ставшие «техничко-экономическими» общедоступными, де-факто распределены настолько неравномерно, что отбрасывают широкие малообеспеченные слои населения (а в нынешней России – большинство) к уровню и образу жизни подчас физиологического выживания. Варварская, геноцидная практика российских внедрителей рынка – невыплаты заработной платы и пенсий, массовое отключение освещения, газа, водоснабжения, отопления и т.п. за грехи каких-то организаций-неплательщиков, ставших таковыми подчас не по своей вине, наглядно демонстрирует, что лишение благ цивилизации ведет не только к гибели людей, но и к разрухе в важнейших отраслях общественной жизни.

Как оценить феномен неравномерной обеспеченности, расслоение общества на богатых и бедных в контексте исторического развития человечества?

Пока реальное развитие НТП не обеспечивает «техничко-экономической общедоступности» конкретных благ, неравенство их распределения, не будучи социально справедливым (с позиций общепринятой ныне доктрины неотъемлемых прав человека), может оказаться не просто «наименьшим злом», но и бесполезным вкладом в «отраслевую» эффективность (включая экономическую). Правда, и тогда закрепление таких привилегий за потомственными вельможами, богачами и т.п. не-

разумно. Как свидетельствуют факты, обладатели этих привилегий легко освобождаются от общепольной работы, переключая ее на материально зависимых от них специалистов, и быстро превращаются в паразитические социальные классы.

В условиях же технической общедоступности благ их неравномерное распределение становится всецело реакционным феноменом, а усиление неравномерности – причиной реакционного социального переворота (лишенного и экономического смысла, поскольку избыточные блага все менее способны стимулировать какие-либо общепольные усилия).

Консолидирующая идея. Эволюция идеологий

Движущая сила НТП – творческая, познавательная деятельность, компонент духовной жизни человечества.

Кроме созидательно-познавательной деятельности надо особо рассмотреть такую важнейшую составляющую духовности, как оценивающе-рекомендательная. Это основа **практики** выбора и принятия решений, выработки курса и линий поведения, стратегии и тактики и тому подобной сознательной ориентации человеческих поступков. Эта составляющая – предмет **идеологии**, охватывающей самый широкий спектр жизненных ситуаций – от простейшего сопоставления выгод и ущербов до уяснения мировоззренческих, жизненно-смысловых проблем, без которых человеческое существование теряет свою полноту. Верно отмечают, что утрата жизненно-смыслового «компас» и ориентиров сама по себе может негативно

влиять на демографию и выживание локальных человеческих сообществ (Волконский, 2000. С. 4) и человечества в целом.

Людям нужны не только достоверные сведения о мире (фактография) и умение обращаться с его объектами для достижения своих целей (наука, технология), но и ориентиры более высокого порядка, чем эгоистическая погоня за компонентами персонального потребления и уюта, нужны побудители для труда и творчества во благо других людей – Вера, Надежда, Любовь (Самуэльсон, 1997. С. 367, 370).

Уже на заре цивилизации люди остро ощущали внутреннюю логичность и стройность миропорядка при всей кажущейся хаотичности и непредсказуемости природных стихий и хода событий. Но так как **понимание** людьми этого миропорядка поначалу находилось на крайне низком уровне, то совершенно естественно формировались представления о высших существах, чье сознание в чем-то сродни человеческому, но познавательные, оценивающие, созидательные и разрушительные способности неизмеримо их превосходят. Отсюда стремление задобрить, умиловать эти божества, приводящее к появлению религиозных культов и их служителей, организованных в церкви разных конфессий. Они накапливали и те крупницы знаний о природе и людях, которые в дальнейшем выделились в науку, ремесла, искусство – «богоподобную» творческую деятельность. В ходе исторического развития темп НТП стал постепенно убыстряться и привел к такому рубежу достижений, что всемогущество и всеведение (атрибуты божества) уже не кажутся человеку «в принципе» недоступными.

Поэтому вполне объяснимым является постепенный уход церковей и богословия из созидательно-познавательной жизни общества и сосредоточение на проблемах идеологии, ее высших разделов жизненно-смысловых, мировоззренческих и нравственно-этических.

Каждая конкретная идеология отражает определенный этап эволюции цивилизации и последовательность социально-экономических укладов. До декларирования доктрины прав человека прогрессивным тогда либерализмом поступательное продвижение идеологий происходило в религиозном оформлении. Переломным моментом здесь стала замена первобытных верований (ставивших акцент на покровительство божества только своим соплеменникам и освящавшим враждебность к «чужакам») вселенскими, «мировыми» религиями (христианство, буддизм, ислам), выдвинувшими идею духовной равноценности («братства») всех людей (благодаря их общей способности усваивать веру в подлинное божество) безотносительно к их родовой, национальной и социальной принадлежности. Благодаря этой эпохальной идее из мировоззрения ушло оправдание взаимной вражды, агрессии и эгоизма, которое было заменено проповедью альтруизма, заботы о каждом человеке и милосердия.

Миссию перенесения идеи равноценности всех людей из области веры и духа в общественные порядки взяла на себя уже «мирская» идеология – прогрессивный либерализм XVIII–XIX вв., выдвинувший доктрину неотчуждаемых прав человека. С этих пор стали особенно заметны отказ «профессиональной» теологии от попыток подменять науку или поправлять ее выводы, концентрация религиозной мысли в

основном на проблемах аксиологии, этики, морали.

Хотя человечество, как мы отмечали, далеко продвинулось по пути могущества и знания, но фактический ход событий ясно показывает, что и оно в целом едва ли сможет реализовать саму идею «всесовершенства», по-видимому логически несостоятельную.

Но миллионы людей до сих пор усваивают высокие нравственные ориентиры и идеалы в художественно расцвеченных, мифологизированных образах, через притчи о свершениях божественных персонажей и святых людей, поэтому остается и довольно широкая опора для отправления культов и деятельности церковных организаций разных конфессий. Поэтому следует проводить тщательное размежевание между этими организациями «обслуживания» верующих и органами государственной власти, обязанными защищать и обслуживать всех граждан. Давно завершилась поражением церкви многовековая борьба за высшую светскую власть или за верховенство над государством в мирских делах. В ходе этой борьбы государство в разных странах весьма часто выступало в роли экспроприатора огромных богатств, накопленных церковниками (процесс секуляризации). С эпохой Просвещения и буржуазных революций связано и главное демократическое установление сфер компетенции государственных и церковных организаций – отделение церкви от государства, школы от церкви. Доктрина неотчуждаемых прав человека – несомненная заслуга либеральных идеологий времен буржуазных революций XVIII–XIX вв.

Еще одно крупное продвижение по гуманистическому пути идеологической эво-

люции – требование социального равенства, ликвидация пропасти в уровне благосостояния и культуры, раскола общества на хозяев и слуг (подневольных или наемных), сводящего на нет формальное равенство гражданских прав, – было неоспоримым достижением социалистических доктрин всех конкретных версий. Ныне оно стало общепринятым требованием гарантированной социальной защиты всех граждан, соучастия работников в делах экономического управления (доктрины «государства благосостояния», «социально ориентированной экономики», «бесклассового капитализма» и т.д.).

Различные концепции, совместимые стратегии

Обе сопоставленные здесь концепции – западных авторов (Самуэльсон, Нордхауз, 1995; Самуэльсон, 1997) и отечественного (Волконский, 2000) – осуждают социально-классовый раскол общества, хотя и по разным основаниям. Первая видит в нем главную помеху реальной демократии, вторая – воплощению духовного единства (братства) всех людей. Несмотря на немалые различия в трактовке цивилизации и проектируемого социального строя, **обе концепции на деле выступают за социализм в трактовке, близкой к марксизму**, т.е. за бесклассовое общество, гарантирующее всем своим членам цивилизованный образ жизни, обеспечение всеми необходимыми жизненными благами в достатке, а также все неотъемлемые права человека, включая право на труд и свободу перемены занятий.

Такие гарантии не реализованы полностью даже в самых развитых странах со

«смешанной» экономикой. Поэтому эти авторы, убедительно показавшие необходимость бесклассового общества как логического продолжения идеологий социальной справедливости, безотносительно к своим намерениям оставляют место и для вывода о правильности марксистско-ленинской концепции двух фаз коммунизма, которая составляла официальную идеологию СССР и его союзников. Последняя **утратила** кредит общественного **доверия** по причине назойливых, неосторожных и потому не сбывавшихся **обещаний** партийного руководства со дня на день осуществить «высшую фазу», экономически обогнав все страны мира.

В нашей работе (Сухотин, 2000. С. 202–207) акцент поставлен на то, что принципы «высшей фазы» наиболее желательны и с позиций наиболее эффективного использования ресурсов общества, прежде всего человеческих. Математически доказуемо, что высшая эффективность достигается при размещении наличных кадров «по способности», а их воспроизводство, т.е. распределение жизненных благ, «сообразно потребностям». При этом подвопрос об «изобилии благ» теряет остроту по мере развития НТП – *affluent society* все более становится фактом (там же, С. 202). Главное наше утверждение состоит в том, что принципы высшей фазы не являются лишь мечтаниями об отдаленном будущем, а во многом (а именно в той мере, в какой обществу удастся эффективно утилизировать людские ресурсы и способности) уже давно де-факто **реализуются** посредством механизмов «дораспределения» и перераспределения благ – в свое время только внутрисемейного, или филантропического, но по мере развития НТП и роста народного

хозяйства по необходимости все более общественно (институционально) организованного через системы социального обслуживания, образования, подготовки кадров (там же, С. 202–207).

«Для части народа (а для русского народа – большей его части) социализм – это прежде всего поиск Смысла. Лагеря и гражданская война сопоставимы с инквизицией и крестовыми походами (даже против христианского же государства Византии и против христианских славянских племен (также и неславянских – например, крестовый поход против альбигойцев – жителей города Альби во Франции). Во времена охоты на ведьм пустели целые селения. Ведь все это не основание, чтобы отвергнуть христианство» (Волконский, 2000. С. 23).

Это совершенно верное утверждение полностью применимо и к идеологии социализма-коммунизма. Ведь и злодеяния инквизиции, крестоносцев, Варфоломеевская ночь и злодеяния сталинско-ежовско-бериевских репрессий никоим образом не вытекают из высокогуманных принципов обоих мировоззрений – они грубейшим образом попирают и оскорбляют эти принципы.

Едва ли верно, что большинство русского народа состоит из равнодушных к жизненным благам цивилизации мыслителей-аскетов. Вернее, огромному большинству народов России Октябрьская революция открыла реальный доступ к этим благам – бесплатному образованию, медицине, жилью, социальной поддержке – в меру богатства, достигнутого обществом. Многие из этого пионерного опыта СССР с успехом переняли современные лидеры – страны со «смешанной» экономикой и «государства благосостояния».

Дополняя соображения В.А. Волконского, надо отметить, что реакционные откаты (вплоть до временной реставрации свергнутых режимов) происходили буквально после всех крупных революционных преобразований (или вклинивались в их события), в том числе и буржуазно-демократических: в Англии XVII в. это реставрация (на 30 лет) династии Стюартов после революции 30–40-х годов и диктатуры Кромвеля; во Франции это Великая революция конца XVIII в.; в США – более длительный период от Войны за независимость до Гражданской войны 1861–1865 гг. включительно. В процессе этих откатов самым наглым и массовым образом попирались именно свежепровозглашенные права человека (якобинский террор и термидорианские репрессии во Франции, в конце концов, на 15 лет реставрация Бурбонов после диктатуры (консульства) и империи Наполеона I). Возвращение к буржуазно-демократической республике произошло только после франко-прусской войны, причем оказалось тоже своего рода откатом после кратковременного периода Парижской Коммуны. Рабство негров, истребление аборигенов-индейцев в США, принявшие особенно зверские формы в период фактической монополии южан-рабовладельцев на федеральное правительство и командование армией, завершившейся лишь с началом Гражданской войны, – отзвуки этих событий. Они не изжиты до сих пор в форме дискриминации, сегрегации и т.п. В моей работе (Сухотин, 2000 С. 200–202) приводятся соображения относительно общих причин таких откатов и предпринимаются попытки объяснить своеобразие хода истории нашей страны. Автор также выдвинул соображение, что

возвращение на пути поступательного движения, общественного и экономического прогресса нуждается в некоем аналоге эпохи Просвещения, в идейной подготовке и консолидации общества. К сожалению, реакционные откаты в истории не ограничиваются отступлениями на одну-две ступени назад, по уже пройденному человечеством пути. Силы реакции, оснащенные современной техникой, способны (например, путем криминализации общества) отбросить человечество к временам пещерного быта, законам джунглей.

Одна из причин усиления таких срывов – разрушительное воздействие обработки общественного сознания рупорами олигархов – современными СМИ – вследствие не только всепроникающего технического оснащения извергателей дезинформации, дезориентации, клеветы и травли, но и наработанных приемов воздействия: систем селективного распространения полуправды и целенаправленного замалчивания сути дела. О силе этого воздействия свидетельствуют, увы, и некоторые утверждения упомянутых выше авторов, в целом высококвалифицированных и гуманистически настроенных писателей.

Вот как определяют (явно с чужой подачи) «полный коммунизм» Самуэльсон и Нордхауз. Коммунизм – это-де «полное огосударствление экономической и общественной жизни, которое обеспечивает тоталитарный, коллективистский общественный порядок, а своеобразии отдельных выдающихся личностей вряд ли может проявиться» (Самуэльсон, Нордхауз, 1995. С. 746). В идейно-теоретическом плане это определение составлено с точностью до наоборот. В перспективе концепция «полного коммунизма» прогнозировала отми-

рание («засыпание») государства, а не его всепроникновение. Советское общество отнюдь не подавляло выдающихся личностей, напротив, всячески поднимало своих героев. Правда, в их число входили не только подлинные герои, но и герои в кавычках – партгосиерархи-временщики. Но такие дутые «герои дня» отнюдь не специфичны для обществ с коммунистической идеологией. Да и практика всеобъемлющего огосударствления берет начало не от идеалов коммунизма, а из реалий милитаризованной экономики воевавших капиталистических держав, когда с исключительной остротой выявилась гибельность ничем не ограничиваемой свободы действий своекорыстных капиталистических корпораций. Большевикам практически ничего не пришлось изобретать при взятии под общественный контроль важнейших объектов народного хозяйства – они просто взяли готовые структуры тогдашней военной экономики. Обстоятельная фактография по этой теме приведена в работе *В.И. Ленина* «Грозящая катастрофа, и как с ней бороться». Попытки же отстранить от дел капиталистических магнатов как базу ускоренного перехода к бесклассовому обществу («военный коммунизм») быстро показали свою несостоятельность и были оставлены.

Удивляет в этой связи не то, что Самуэльсон, Нордхауз доверились в изложении идеологии и практики «коммунизма» западным «экспертам-советологам», а то, что импортные либерально-популистские представления получили столь широкое одобрение в постсоветских обществах, где ознакомление с подлинными положениями марксизма не требовало тогда особых усилий.

Хотя В.А. Волконский намного более точен в изложении главных пунктов коммунистической идеологии, но и он невзначай попался на удочку либерал-популизма. «Ожидание скорого рая на земле, а тем более радость разрушить весь мир, поскольку он лежит во зле (можно вспомнить и М. Бакунина: «Радость разрушения – творческая радость»), – «детская болезнь», которая сейчас преодолевается» (Волконский, 2000. С. 24–25).

Неотложные меры спасения общества и экономики, нейтрализация своекорыстных, но всесильных олигархов являются не «строительством коммунизма», а жизненно важной задачей возрождения цивилизованного правового общества, в решении каковой у *коммунистов-патриотов может и должно быть много несоциалистических попутчиков и союзников*. Сегодня умение различать, кто есть кто действительно жизненно необходимо.

Куда ведет Россию нынешняя власть

Пожалуй, верна характеристика господствующей в сегодняшней России (и в других странах бывшего СССР) социальной верхушки как «люмпен-буржуазии» (Кагарлицкий, 2000). Ее социальный состав (особенно «авангарда»–олигархов, захвативших командные высоты в экономике и государственных структурах) – это бывшие партгосиерархи (разложившиеся в эпоху застоя и перешедшие на капиталистический путь ради своекорыстных интересов), часть уголовного мира, накопившая первоначальный капитал в те же годы путем хозяйственных правонарушений на произ-

водстве, в торговле и обслуживании, а также наиболее шустрые представители интеллектуальных профессий, быстро учуявшие, куда дует ветер, к кому сегодня и завтра выгодно будет пойти в услужение.

Идейным знаменем этого зыбкого объединения-тусовки стали фразеология и риторика реакционного либерализма – либерализма, утратившего общественно полезные свойства с наступлением эпохи доминирования крупных корпораций (ТНК), замененного по необходимости идеологией и практикой социальной ориентации, а также стратегией «кейнсианского» регулирования. Эта стратегия привела к практическому исчезновению капиталистических циклов в 40–70-е годы XX в. Однако вследствие «застойной» бюрократизации этих институтов на Западе произошла определенная реанимация идеологии и практики либерализма («дерегуляция»). Сейчас этот период подходит, видимо, к концу вследствие возобновления крупнейших «провальных», бедственных проявлений капиталистического цикла.

В России же плодом усилий вышеназванной движущей силы, когда она «продолжает курс реформ», не может быть ни консолидация большинства населения (приносимого в жертву этим «реформам»), ни возобновление экономического подъема. **Ничего, кроме тотальной катастрофы впереди.** Так было и тогда, когда люмпен-буржуазия выступала с открытым забралом. Так остается и теперь, в период ее «народно-патриотического» маневрирования, когда президент – креатура Ельцина – и его «команда» экономистов, состоящая из махровых либералов, селятся изобразить нечто вроде стратегии возрождения отечественной экономики (О стратегии развития... 2000).

«Стратегия» не годится на роль компаса и платформы для собирания и сплочения здоровых сил общества, поскольку искажает современные реалии и дезориентирует при выборе достижимых целей.

На деле «стратегия» может привести народное хозяйство только к окончательной разрухе, а население – к одичанию и вымиранию. Прикрытое «социальным» камуфляжем «продолжение курса» парализовало ведущие наукоемкие секторы производства, превратило Россию в сырьевой придаток, чье зыбкое экономическое благополучие исчезает при каждом колебании мировых цен на нефть, никель и т.п., а интеллектуальный и кадрово-квалификационный потенциал (одно из главных сравнительных преимуществ страны в мировой экономике) быстро исчезает, добываемый бесчеловечной социальной политикой, фактической ликвидацией социальной защиты населения при одновременном попустительстве капиталистам–неплательщикам налогов, лишаящим экономику и надлежащего правопорядка, и столь же остро необходимых инвестиций.

Современные передовые рыночные экономики, успешно преодолевшие свои кризисы, аналогичные переживаемому ныне нашей страной, выработали **действенные для себя** концепции и программы реформ. Их содержание и практический опыт на деле игнорируются отечественными «рыночными реформаторами», взявшими за основу «курса» негодную ныне идеологию либерализма XIX в. с ее утратившей жизненность моделью свободной («совершенной») конкуренции.

Безоговорочное требование экономической свободы, выдвинутое в «стратегии», ошибочно и общественно опасно.

Экономическая свобода не есть беспредел, вседозволенность частной наживы любыми способами. Способы наживы, наносящие кому-либо вред, наживы на разорении экономики должны быть пресечены. Конечно, **было бы неплохо «перевоспитать» руководство** крупных организаций в духе самообуздания, добровольного участия в общепольной стратегии (роста народного хозяйства и социальной защиты граждан). Но если такого поведения нет, **государство обязано применить насилие к насильникам, экспроприацию к экспроприаторам.** Это не очередной социальный переворот, а нормальное правовое решение государства, легитимирующего в своих кодексах конфискацию противоправно присвоенного имущества, коль скоро сам факт уклонения от налогов считается преступлением. Именно в этом и состоит позитивный мировой опыт, накопленный успешно развивавшимися странами, – в необходимости **усиления государственной власти** с целью обуздать (в том числе связав обязательства участия в социальной защите) самые мощные организации, сурово пресекать любые попытки их уклонения от налогов (т.е. подрыва экономической базы публичной власти). В России, к прискорбию, необходимость такого порядка замалчивается экономическими «авторитетами» и стратегами.

Следует подчеркнуть, что усиление государственной власти и ограничение экономической свободы необходимы **независимо** от масштабов, глубины и методов **государственного регулирования** экономической жизни. Последние, как показал опыт второй половины XX в., могут варьировать (чередование усиления воздействий с периодами некоторого отката в сторону

приватизации, дерегулирования), но никоим образом не ведут к выталкиванию публичной власти с положения верховного правителя развития и к ликвидации мощных систем социальной защиты населения в противоположность «стратегии» российских и им подобных «рыночных реформ», продолжаемой (с той или иной маскировкой) в разработках Г. Грефа и компании.

Сильное современное государство имеет намного больше обязательств перед обществом, чем его предшественники XIX – начала XX в. Наряду с обеспечением внешней защиты и внутреннего порядка в стране появилась необходимость в поддержке (для гарантий должного **качества жизни**) как систем «общего пользования» (наука, образование, здравоохранение, экология, культура), так и неотъемлемого права **каждого** гражданина не просто на жизнь, но на достойный, цивилизованный образ жизни (что отражается в терминах «социально ориентированная экономика», «государство всеобщего благоденствия»). Этот круг обязательств сегодня **нельзя** сокращать до объема и уровня XVIII–XIX вв. из-за неизмеримо возросших требований к качеству самого человеческого капитала, социально-психологического климата и природно-ресурсной среды.

Сильное государство должно быть богатым государством, способным на достойном уровне, не скупясь на необходимые ассигнования, выполнять вышеуказанный круг обязанностей. Чтобы прийти к такому положению, ныне передовые страны искали и нашли главный источник государственных доходов – самые обильные доходы богатейших физических лиц. Это позволило не применять налогового пресса, непосильного для производств с

относительно невысокой доходностью и малообеспеченных слоев населения, тем более что **такие поборы не могут помочь в становлении богатого государства**. В практике богатых передовых стран налоги на доходы физических лиц лидируют в доходах госбюджета (в США эта доля в 1995 г. составляла 44% госбюджета). При этом широко практикуется полное освобождение малообеспеченных слоев населения от подоходного налога, а для беднейших групп – «отрицательное обложение», т.е. доплаты к личным доходам.

В России применяется противоположная модель формирования государственных доходов. При совокупном личном доходе в объеме 60% ВВП участие подоходного налога на физических лиц в доходах госбюджета не превышает 15%. За этим скрываются две неприглядные реалии: огромное преобладание узкой группы супербогатых лиц в совокупном личном доходе и почти полный уход этих лиц от налогообложения. Факт «массового уклонения от налогов» с их стороны признается и в документе Г. Грефа. Эти «сберегаемые» доходы и формируют огромную утечку капиталов из РФ.

По-видимому, отечественные либералы-реформаторы, захватившие по сути дела государственную власть, считают своим важнейшим достижением стремительную поляризацию нашего общества, гордятся внезапным появлением миллиардеров-олигархов, боятся тронуть их «личные сбережения». Мы снова наблюдаем противоположность мировому опыту. Если в передовых странах уклонение от налогов признается тягчайшим преступлением (в США за него можно получить до 30 лет тюремного заключения) и проводится ли-

ния на уменьшение неравномерности распределения доходов (как противоречащей реальному равноправию граждан и ввиду удорожания «человеческого капитала»), то стратегия Г. Грефа всячески предостерегает против силовых приемов обложения налогом высоких доходов и устанавливает на них общую 13%-ю ставку. (В США и Великобритании после второй мировой войны применялось особенно жесткое прогрессивное налогообложение – до 90% прироста наивысших доходов изымалось в госбюджет. В дальнейшем ставки налогов на высокие доходы заметно снизились, что вопреки упованиям не увеличило доли инвестирования в производство.) Между тем обязательность силовых мер прямо следует из признания ухода в «тень» противоправным действием.

Похоже, что решающим доводом в пользу заботливого отношения к толстосумам-уклонистам (их мягко уговаривают «выйти из тени») стало упование на добровольное внесение возрастающих налоговых вкладов в государственную казну. Трудно признать эти надежды основательными. Главная причина уклонения от налогов состоит, думается, отнюдь не в их высоких ставках (скорее всего, толстосумы охотно «отстегивают» не меньше дани рэкетирам и взятки коррупционерам в виде платы за прикрытие своего черного бизнеса), а в неизбежности – при легитимном налогообложении – ответа на вопрос «Откуда дровишки?» (а также из-за опасений, что вместе с репатриацией капиталов придется подвергаться и «личной» репатриации – в наручниках и с участием Интерпола).

Плачевным следствием «Стратегии» стало перекладывание налогового бремени на самых исправных налогоплательщи-

ков – малооплачиваемых работников, чью зарплату нередко задерживает и крадет руководство предприятий. К этому добавилось наступление на социальные гарантии трудящимся, отвечающее худшим, а не лучшим ориентирам мирового опыта.

Социальная политика «Стратегии», позорная и бесчеловечная, лишает население гарантированной каждому гражданину социальной защиты и поддержки, оставляя только «адресную поддержку» лицам, лишенным каких бы то ни было альтернативных источников дохода. Такая модель открывает широкие просторы бюрократическому произволу (кому давать, кому не давать) и обременена унижительными процедурами «проверки бедности». Она осуждена всеми концепциями и мировой практикой «государств всеобщего благоденствия».

При столь ненадежных источниках формирования государственных доходов, на которые опирается «Стратегия» Грефа, само государство обречено не только на вечную безысходную нужду (роль «первого нищего»), но и на невозможность достойно поддерживать международное положение и престиж страны, защищать благосостояние и права граждан, инициировать и организовывать экономическую модернизацию и подъем, оно скорее всего подойдет к черте полного исчезновения, оставляя поле для кровавых разборок антиобщественных корпораций.

Примечательно, каким путем извратили как будто обиходное хозяйственное правило «жить по средствам». Разумный хозяйственник обязательно дополнит это правило рекомендацией: «Но надо всемерно использовать возможности и приемы, чтобы эти средства увеличивать». Напротив, «грефостратеги» советуют государст-

ву «приводить свои текущие обязательства в соответствие с наличием ресурсов». Это значит, что если, скажем, в данном году олигархам и казнокрадам удалось заметно увеличить масштабы награбленного, то неизбежно должны последовать меры по секвестру, сокращению контингента госбюджетных секторов, учреждений и граждан, социальных пособий и т.п. (т.е. усугубление экономической разрухи), обескровливанию государственных служб, геноциду населения – всех тех чудовищных событий, которые в изобилии порождает российская практика последнего десятилетия.

Подлинная задача номер один – это **декриминализация общества хотя бы до уровня**, позволяющего применять отмечавшиеся выше позитивные правила мирового опыта. Разумеется, было бы нереально предлагать набор «безотказных» приемов такой борьбы. Но этого и не нужно, если будет выработано и доведено до всеобщего сведения идейно-теоретическое объяснение социально-экономических законов, ценностей и ориентиров деятельности граждан. Эпохи прогрессивных преобразований предварялись, как известно, движениями Просвещения.

Впрочем, справедливость требует отметить, что не все положения «Стратегии» полностью бессодержательны. Есть безвредные сведения и рекомендации, изложенные порой довольно грамотно, например, об отличии естественных монополий от «искусственных», о правилах обращения с ними, о важности госконтроля и поддержки для развития АПК и т.д.

Но, скажем, по вопросу о «гарантиях права собственности», об «эффективном собственнике» и т.п. в «Стратегии» не сделаны уточнения, которые можно встретить

сегодня даже в текущей прессе. Дело не в предвзятой защите предпочитаемых «форм собственности», а в защите от присвоения объектов всех ее видов, которая позволит проводить между ними здоровое состязание, и есть много примеров здорового хозяйствования «без контрольных пакетов акций», без какого-либо доминирующего собственника. Но такие разделы, позволяющие вести деловое, полезное обсуждение, в «стратегии» Г. Грефа скорее исключение, чем правило.

Трудно поверить в искренность намерений «стратегов» осуществить эти цивилизованные экономические меры. Надо, видимо (чему есть немало исторических прецедентов), встать на позиции именно передовой идеологии, чтобы **всерьез и квалифицированно провести хотя бы буржуазно-демократические мероприятия цивилизованного, правового общества**, без которых будет продолжаться социально-экономический хаос. Именно возобновление реального экономического роста привлечет в страну солидных иностранных инвесторов, как в «идеологически чуждый» Китай, а не международных мошенников и браконьеров, как сегодня в РФ.

Нынешнее «второе издание» российской буржуазии во многом повторяет особенности этого класса в дооктябрьской России. Ввиду крайней трусости тогдашней буржуазии, пресмыкавшейся перед царизмом, назревшую общедемократическую борьбу под лозунгом «Долой самодержавие!» пришлось возглавлять уже партиям социалистической ориентации.

Думается, что главная трудность социально-экономического возрождения, возобновления прогресса в постсоветских обществах состоит не в составлении про-

граммы действий – «общечеловеческой по содержанию», но с полным учетом «местных условий», а в том, чтобы помочь огромному большинству народа, пострадавшему от шоколиберального «курса реформ», осознать эту задачу в то время, когда экономическая и государственная власть узурпирована антиобщественными силами, жиреющими на упадке и разрухе

страны, а общественное сознание отравлено манипулированием.

Силы, способные осуществить поворот от упадка к прогрессу, нейтрализовав господствующую ныне социальную верхушку, несомненно, имеются в народе. Они-то и **должны консолидироваться** на основе **восстановления передовой идеологии** – правдивой и гуманистической.

Литература

Самуэльсон П.А. Экономика. Т. 2. М.: Изд-во НПО «Алгон», 1997.

Самуэльсон П.А., Нордхауз В.Д. Экономика. 15-е изд. М.: БИНОМ, 1995.

Волконский В.А. Духовная драма современной России // Материалы научного семинара «Неизвестная экономика». М.: ЦЭМИ РАН, 2000.

Сухотин Ю.В. О ценностных ориентирах эволюции общества // Эволюционная экономика и «мэйнстрим» М.: Наука, 2000.

Сухотин Ю.В. Социально-экономические системы и модели цивилизации. Препринт # WP/2001/108. М.: ЦЭМИ РАН, 2001.

Кагарлицкий Б. Тупик русского пути // Новая газета. 2000. 4–10 мая.

О стратегии развития Российской Федерации до 2010 г. // Коммерсант. 2000. 12 мая.